

"Этим летом (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Название: Этим летом

Автор: Жауе

Жанр: романс, юмор

Рейтинг: NC-17

Размер: 20 страниц в Ворде (3 главы)

Статус: завершен

Содержание: Может ли случайная встреча перерасти в нечто большее, нежели короткое летнее приключение, особенно когда все началось с простого взаимного влечения, которое на первый взгляд кажется таким несерьезным? Семнадцатилетний Питер даже не представлял, к чему его приведет спонтанная выходка младшей сестры.

Предупреждение: в тексте редко, но все же встречается мат

* 1 *

Этим летом мне должно было исполниться восемнадцать. Приехав домой из студенческого городка, в котором одновременно учился и подрабатывал, я не стал особо париться о том, как бы поэффективнее провести свой отдых и все свободное время посвятил либо поеданию любимых шоколадных хлопьев, либо лежанию на горизонтальной поверхности. Иногда плавал в бассейне, иногда пробовал махать папашиной клюшкой для гольфа, чаще в стельку напивался на вечеринках, устраиваемых в родительском доме младшей сестренкой. Надо сказать, что несмотря на годовую разницу в возрасте, моя сестренка выглядела на все двадцать с хвостиком и психологически была так же хорошо развита, как и физически. Мне оставалось только поражаться ее взрослой прагматичности и житейской мудрости, а еще с легкой грустью и ставшей уже привычной за последние годы завистью наблюдать за частой сменой красавцев-кавалеров. За всю жизнь я так ни разу и не был на настоящем свидании, не считая пьяные обжималки-целовашки с подружками сестры, которые испытывали ко мне скорее материнский инстинкт, глядя на не в меру тощую фигурку и невысокий рост, нежели сексуальное влечение. Еще бы, откуда ему взяться, когда собственное отражение в зеркале не приносило удовольствия даже мне самому?

Вообщем, наверное, я так бы и растратил свое лето на всякую чепуху, набрав к осени пару тройку лишних килограммов, если бы моей дурной сестренке не пришло в голову потащить меня в путешествие через всю страну на ранчо наших бабушки с дедушкой. Нет, я конечно понимаю, что у них годовщина и все такое, все-таки не каждой паре удастся прожить в союзе сорок пять лет, но зачем же такие крайности? Мы вполне могли воспользоваться тачкой родаков, тем более что те надолго зависли в невиданных даях (мамашу с очередным любовником потянуло на тропическую экзотику, а папаша бороздил морские просторы на новенькой яхте вместе со своей очередной пассией, друзьями и их подружками), купить билет на один из видов воздушного-наземного транспорта, либо запрячь капитана бейсбольной команды, с которым у сестренки на тот момент был роман. Так нет же, в каком-то глянцево-журнале, которые выпускают специально для девчонок и потому пичкают различными глупостями, представительнице прекрасной половины и читательнице в одном лице предлагалось совершить экстремальную прогулку автостопом. Статья буквально пещрила совершенно неправдоподобными описаниями и гипертрофированными преимуществами

подобного мероприятия, в их числе значилась и экономия денег на дорогу. Незабываемые впечатления гарантировались!

Я все понимаю (в столь беспокойном возрасте девушке что угодно может в голову прийти, опять же налет романтической чепухи и офотешопленные картинки не пихаются на страницы просто так от нефиг делать: кому-то же за это еще и деньги платят), но зачем нам экономить, скажите пожалуйста?! Тогда как при наших возможностях (или не наших, а родителей) мы волне могли себе позволить нанять частный самолет! И почему именно я?! Ну захотелось сестре приключений на свою задницу, вот пускай и за компанию берет себе одну из таких же двинутых на всю голову подружек! Так нет же, она загорелась идеей "разделить радости путешествия со своим занудой-старшим братиком"! Подозреваю, что ей просто из вредности было жалко оставлять целый двухэтажный дом в моем полном распоряжении.

В конце-концов мне не оставалось ничего другого, кроме как утопиться в бассейне или согласиться. После долгих раздумий я согласился. И вот мы как идиоты стоим на самом пекле посреди какой-то пыльной дороги, с двух сторон окруженной высокими золотистыми полями, и ждем, пока нас не просто возьмут в попутчики, но для начала хотя бы какой-нибудь придурок догадается проехать по этой проклятой дороге!

Оставив спортивную сумку валяться на земле у ног, я с меланхоличным видом жую сникерс и мысленно злорадствую: еще минимум минут десять и сестрица похоронит свою дурацкую затею, мы вернемся домой на своей машине, которую оставили в ближайшем леске, я позвоню в аэропорт и забронирую нам два билета в первом классе. Тут из-за поворота как раз показалась машина, обычная легковушка. Сестра радостно запрыгала, словно щенок, перед носом которого махают вожделенной косточкой, и вытянула руку в сторону с большим пальцем вверх. Мило. Я же пялился на машину с мрачным видом отморозка-садиста, всеми силами желая, чтобы водитель (кем бы он не был, пусть даже самым добрым и сострадательным человеком на свете) принял нас за два элемента окружающей среды (не знаю, какие элементы здесь встречаются, возможно, животные, деревья... - один хрен).

Наверное, Господь все-таки услышал мои молитвы, потому что машина проехала мимо. Проводив ее всевозможными проклятиями и вульгарными жестами, сестра повернулась ко мне. Ее лицо побелело от злости.

- Это ты во всем виноват! Если бы не стоял здесь как пень и не путался под ногами, то мы бы уже давно были в пути!

Я не стал говорить ей, что "стоять" и "путаться" - это два взаимоисключающих действия, а просто лег в траву и принялся разглядывать далекое и насыщенно голубое небо. Должно быть, в какой-то момент я задремал, потому что очнулся только тогда, когда меня нежно пнули ногой в бок, а над головой раздался радостный вопль:

- Пит, вставай! Скорее!

Приняв сидячее положение, я непонимающе заморгал, стараясь сфокусировать взгляд на просто-таки огромной фуре, стоявшей прямо напротив нас. Настоящий передвижной металлический город! В таких можно перевозить все что угодно. Не удивлюсь, если все содержимое универсама поместится вот в такой вот крутой тачке.

Кое-как поднявшись, движимый скорее любопытством посмотреть на хозяина этой машины и беспросветного дебила в одном лице, клюнувшего на молоденькую глупую лань (которую так успешно изображала из себя сестра, прыгая рядом с распахнутой дверцей передней части

кузова), чем энтузиазмом, вызванном ее словами, я поковылял к водительскому сиденью. Сумку брать не стал, надеясь, что после появления "подарочного" меня (для завершения нашего с сестрой милого комплекта под названием "выбери один и получи второй в подарок") - водила смекнет что к чему и быстро смотается своей дорогой.

Встав на ступеньку и подпрыгнув, я заглянул внутрь, но к своему удивлению никого не обнаружил, разве что раскрасневшееся лицо сестры с той стороны. Она как раз пыталась влезть в машину, но, увидев меня, многозначительно приподняла брови и громко прошептала:

- Он отлучился по естественным нуждам. Сейчас вернется и я вас познакомлю. Пит, пожалуйста, будь добр и не высовывайся, а то он тоже решит, что ты debil.

Под не высовывайся она конечно же подразумевала "лишний раз не открывай рот" (почему-то моя сестра с самого детства упорно верила, что я тупица и ни мои высокие оценки в школе, ни похвальные грамоты не смогли переубедить ее в этом - ну хоть в чем-то ей было свойственно постоянство!). Возможно, меня должно было насторожить слово "тоже", если бы я еще с пятого класса не знал, что того же мнения придерживаются и все ее друзья.

Я уже было приготовился скривиться на ее слова, когда маленькая сумочка, которую она сжимала в руках и которую было принято называть косметичкой, от очередной попытки забраться в салон перевернулась, и все ее содержимое вывалилось на пол.

- Пит! - воскликнула сестра. На ее глаза навернулись слезы. Расстроенная, она готова была вот-вот разрыдаться.

Господи, и почему у меня не брат?!

Конечно же я не сказал этого вслух, а вместо этого уперся коленками в днище и, перегнувшись через сиденье, принялся собирать ярко-розовую хрень под жалобные всхлипы сестры, которая пыталась припомнить все содержимое своей сумочки. По-моему, эта битва была проиграна еще до начала.

- П-пит... семь лаков... нет, их было девять! И пять помад! Один блеск для губ... или два? О Боже, кажется, у меня начинает болеть голова!

Занятый поисками, я не смог бы узнать, что мы уже не одни, если бы дурацкое щебетанье не было прервано смущенным возгласом: "Рон!". Подняв голову, я увидел, как по лицу сестры расплзается дурацкая широкая улыбочка, настолько приторная, что у меня тут же свело зубы.

Ее взгляд был направлен за мое плечо. И, кое как обернувшись, я имел честь лицезреть этого самого Рона, в то время как моя торчащая кверху задница имела честь быть представленной ему немного раньше. Почему я так решил? Нет, у меня нет там глаз, просто наш новоявленный водитель пялился на меня с не менее широкой улыбочкой, чем у сестры, притом его улыбочка больше всего походила на ухмылочку, настолько недвусмысленную, что кровь тут же прилила к моим щекам. Вполне возможно, что со спины он принял меня за девушку. Со своей стороны я предпочел считать, что ярко пунцовый цвет моего лица связан с долгим нахождением вниз головой. Как бы то не было, но я насколько мог гордо спрыгнул на землю и холодно кивнул незнакомцу:

- Питер.

- Рон, - улыбка парня не только не стала меньше, но наоборот, казалось, уголками губ он вот-вот достанет до кончиков своих ушей.

Водителем грузовика оказался не какой-нибудь громадный мужлан или бывший волосатый байкер, как я почему-то представлял, а молодой мужчина, которого с той же легкостью можно было назвать парнем. На вид ему было не больше двадцати четырех-двадцати пяти лет и уж конечно он ничем не походил на друга Гарри Поттера, и выглядел впечатляюще: высокий, стройный, загорелый, с ярко-выраженной мускулатурой бодибилдера и выгоревшими на солнце темными волосами, чьи лучи придавали им шоколадный оттенок. Лицо с правильными чертами, довольно мужественное, на квадратном подбородке двухдневная щетина, а из-под густых бровей выглядывают голубые как небо над головой глаза.

Настоящая модель, блин! По правде говоря, в реальной жизни я еще никогда не встречал настолько привлекательных парней. Наверное именно по этой причине, а еще из-за самоуверенного выражения в насмешливо прищуренных глазах, - я тут же счел его придурком и возненавидел лютой ненавистью. Еще никто и никогда с первого взгляда не вызывал во мне столь сильных негативных чувств. Поэтому я решительно повернулся к сестре, которая уже успела с независимым видом устроиться на сиденье у окна и теперь старательно припудривала носик.

- Кейт, к сожалению, мы не сможем воспользоваться добротой этого милого молодого...

Меня перебил строгий голос сестры:

- Пит, не мне тебе напоминать, что из-за твоего эгоизма можем пострадать не только мы, но и ни в чем не повинные люди, которые, между прочим, придется тебе близкими родственниками. Поэтому тащи сюда свою тощую задницу и не выпендривайся! - последние слова были сказаны мне злобным шепотом.

Я не мог не подчиниться, потому что еще никто не смог превзойти сестрицу по части устраивания скандалов, а в данный момент это было последнее, чего я желал. Да я бы скорее дал себя избить, чем позволил этой змее втапывать меня в грязь перед этим выскочкой (не спрашивайте, почему я решил, что он выскочка)! Лучше уж пол дня отмучиться, зато завтра к обеду мы будем уже на месте, и я смогу забыть всю нашу поездку как страшный сон. Черт, а ведь теперь это парень решит, что я конченный подкаблучник! Ладно, в конце-концов всегда можно заставить себя забыть.

Как мне не хотелось еще раз подставлять чужому взгляду свою задницу, я не собирался лишний раз рисковать нарваться на грубости со стороны сестры, прося ее уступить мне место у окна или хотя бы пустить в салон с той стороны (к своей досаде я осознал, что ехать мне предстоит между ней и Роном), и поэтому, вернувшись за своей сумкой, молча забрался на знакомую ступеньку и плюхнулся на среднее сиденье. Не удержавшись, глянул на качка и поймал его полный притворного сочувствия взгляд, от чего мне стало только хуже. Оставалось надеяться, что по дороге меня обязательно укачает и я облеку ему всю машину, но как ни печально, ничего такого не произошло. Наверное, ни на минуту не прекращающийся треп сестры действовал на меня подобно нашатырному спирту. Или это кондиционер прекрасно справлялся со своими обязанностями. Как бы то не было, но дурно мне все не становилось, даже пить не хотелось. Все, что я мог - это молча пялиться на дорогу, которая стелилась перед нами однообразной серой полосой. Часа через три я уже знал наизусть положение каждой пылинки на лобовом стекле, с закрытыми глазами мог нарисовать каждую наклейку, целое собрание которых облепило приборную доску, и на каждой была изображена бесстыже обнаженная девица. Да что там говорить: я даже успел попробовать себя в роли гипнотизера, пытаюсь заставить дебильную игрушку-собачку вертеть головой именно так, как хочется мне, в чем, само собой, нисколько не преуспел.

В конце-концов, отчаявшись заснуть или каким-либо другим способом покинуть свою земную оболочку, я скосил глаза на нашего водителя. Несмотря на то, что парень оказался восхитительно неразговорчивым, Кейт все-таки удалось вытянуть из него кое-какую информацию, иначе это была бы не моя сестра. В частности то, что перевозка грузов является семейным бизнесом, которым занимаются его дед, отец и два брата. Сам он этой весной закончил колледж по какой-то технической специальности и пока не решил, что хочет делать дальше. Ему нравятся машины, ему нравится путешествовать, ему нравится свобода, поэтому с начала лета он занимается развозками между городами.

Рассказывая о себе, Рон часто делал продолжительные паузы между словами, как будто пытался просчитать в уме различные варианты ответа и их возможные последствия, говорил словно с неохотой, не редко растягивал слова, либо загадочно хмыкал. Кто-нибудь другой мог бы списать это на отсутствие воспитания, да и просто посчитать невежливым, только я прекрасно видел, что с каждым часом он нравится сестре все больше и больше. Пообещав себе при первой же возможности напомнить ей о капитане бейсбольной команды, я принялся рассматривать руки, со спокойной уверенностью лежащие на руле. К своему стыду, к своим годам я так и не научился водить машину, бесславно проваливая многочисленные экзамены на сдачу прав до тех пор, пока даже мой отец (страстный любитель всего, что развивает скорость до трехсот километров в час) поставил на мне крест после нескольких безуспешных попыток обучить меня вождению самостоятельно, запретив и близко приближаться к гаражу (это ограничение распространялось не только на наземный транспорт, но также на водный и воздушный). Какими только словами он меня не называл, говорил, что даже моя сестра умеет водить, несмотря на то, что баба, а я мало того что ключом в зажигание с первого раза попасть не могу, так еще и руль держать толком не умею. Самым обидным для меня во всем этой было то, что он на самом деле оказался прав: сколько не старался, я не мог почувствовать машину. Это был сложный чужеродный организм, самостоятельный и непредсказуемый, чью суть я был не в состоянии постичь. Именно поэтому чужие сильные пальцы, лежащие на гладком черном колесе, переходящие в широкие ладони и далее крупные запястья с острыми косточками, завораживали. Мне нравилось смотреть, как блестят на свету золотистые волоски на смуглой коже. Нравилось представлять, что кожа - это песок, а волоски - сорниковая трава на пляже, тонкая и гибкая, устилает собой золотистые песчинки. А где-то там впереди море, ветер вспенивает волны, подгоняя их к самому берегу и, достигнув определенного рубежа, они возвращаются обратно в прохладные глубины...

Похоже, я все-таки задремал, как бы не было трудно в это поверить, ведь за все время дороги меня не покидало напряжение, которое, несомненно, было вызвано присутствием рядом самого отвратительного типа, которого я когда-либо встречал в своей недолгой жизни. Проснувшись, но еще не открывая глаза и продолжая нежиться в волнах сна, я лежал какое-то время, наслаждаясь их теплом... Лежал?!

Резко вскочив, я в первый момент даже не понял, где нахожусь. Нет, все по-прежнему: все те же наклейки, глумливая собака с крутящейся во все стороны головой, но сейчас она почему-то замерла и пристально смотрит на меня своими черными расфокусированными глазками... И только в этот момент я понял, что машина никуда не движется, а стоит на месте, и кроме меня в салоне больше никого нет. Если бы не это, то мне вряд ли бы удалось принять горизонтальное положение. Но почему меня никто не разбудил?!

Нахмурившись, я закутался в джинсовую куртку и вылез наружу. На улице успело стемнеть, наверное, времени было часов одиннадцать. Кругом находилась автостоянка довольно большого магазина, заставленная разномастными машинами (встречались даже те, что очень походили на нашу). Сам магазин гостеприимно светил изнутри, пестря разноцветной рекламой. Рядом со входом желтым неоновым светом горела до боли знакомая каждому

цивилизованному человеку буква "М". Едва я наткнулся на нее глазами, как в животе тут же глухо заурчало. Запустив руку в задний карман джинсов и проверив на месте ли бумажник, я решил первым делом забежать в Макдональдс и только потом отправиться бродить по универмагу в поисках Кейт и Рона.

Через две минуты я стоял перед кассой и делал заказ, то и дело сонно потирая глаза и изо всех сил сдерживая душераздирающие зевки. Девушка напротив мило улыбалась, складывая еду в бумажный пакет, и это здорово улучшило мое настроение, поэтому я даже почувствовал прилив искренней радости, когда при выходе из кафе-ресторана наткнулся взглядом на сестру. В ее руках были два огромных пакета. Заметив меня, она ослепительно улыбнулась и тут же поспешила передать мне покупки:

- Пит, дорогой, отнеси это все в машину... О, ты позаботился о нашем ужине! Как мило, но мы уже перекусили, спасибо. Я буквально на минуточку в магазин косметики. Ждите меня в машине, - с этими словами она упорхнула в сторону бело-зеленой вывески "Паулас Чойс".

Я перевел взгляд на Рона, который неизвестно когда успел появиться. В каждой его руке было по несколько пакетов, но он нисколько не выглядел вымотанным обществом Кейт, страдающей самой настоящей шопинго-манией. Выражение его лица скорее можно было назвать "имел я вас всех" (как любил приговаривать третьекурсник с нашего института, с завидной удачей на протяжении нескольких лет обыгрывающий в карты на деньги зеленых первокурсников, в том числе и меня), но когда наши глаза встретились, - он улыбнулся. И это взбесило меня даже больше, чем вскользь брошенные сестрой слова о том, что они успели поужинать без меня. Поэтому я просто молча развернулся и потопал к выходу из магазина. Рон двинулся следом, отставая всего на пару шагов.

- Слушай... Ты так крепко спал, что мы не стали тебя будить, - неожиданно заговорил он, когда мы пересекали автостоянку. - Кейт планировала купить какой-нибудь еды, пока нам между рядов не встретился бурундук, рекламирующий кукурузные палочки. Твоя сестра собиралась просто попробовать, но потом... ей буквально снесло голову... Знаешь, - задумчиво протянул Рон, - я еще ни разу в жизни не видел, чтобы что-то могло настолько помутить разум человека: она не успокоилась, пока не обчистила весь поднос, представляешь? Даже меня заставила их попробовать, - с нервным смешком добавил он. - Я уже готов был прибить этого чертового бурундука, который так некстати вылез навстречу и прилип со своими палочками: "попробуйте, попробуйте, ощутите этот божественный вкус на своем языке... Слышите? Это поют лесные птицы! Они помогают собирать мед, именно поэтому вкус наших кукурузных палочек ни с чем не сравним", - передразнил Рон писклявым голоском. Мне даже показалось, что он собирался сплунуть в сторону, но по какой-то причине в последний момент передумал.

Даже не думал, что этот парень способен на такой длительный монолог.

- Мы и тебе купили эти чудо-палочки, - судя по его голосу, он снова улыбался. Невозможный тип.

Я не выдержал и улыбнулся в ответ, радуясь, что нахожусь к нему спиной, но не успел ничего сказать, потому что мы как раз подошли к машине. Легко запрыгнув внутрь, Рон забрался на место водителя и, потянувшись, открыл мне дверь, потом помог втащить пакеты. Аккуратно сложил их назад, туда, где находилась небольшая комната или скорее подсобка, отделенная от салона тонкой занавеской. Мне почему-то не хотелось оставаться с ним наедине в замкнутом пространстве и я решил подождать Кейт снаружи. Давая задний ход, я заметил, как Рон наклонился, что-то поднимая с пола, но не стал всматриваться (если это очередная безделушка Кейт, утерянная днем, то пускай сам ей и возвращает).

Жалко, что я не курю, а то было бы, чем заняться. Вместо этого я стоял, прислонившись спиной к нагретому за день металлическому боку гиганта на шести колесах, и мечтал о своей комфортной и беспроблемной жизни, оставленной где-то в этом, почти вчерашнем, дне.

Рядом щелкнула зажигалка. Мелькнул и, лизнув сигарету, погас язычок пламени. Вместо него загорелся красный глаз, холодный и непроницаемый, опасный.

- Будешь?

Опустив глаза на протянутую пачку сигарет, я отрицательно мотнул головой и заставил себя стоять на месте: ведь будет глупо, если я сейчас трусливо заберусь обратно в машину, потому что ничем, кроме бегства, мою попытку уйти назвать будет нельзя. Незаметно выдохнув, я остался подпирать ставший вдруг жестким кусок металлолома.

Рон встал рядом, точно также оперевшись спиной в дремлющее нечто. Наверное, то, что теперь в темноте казалось мне чужим и враждебным, для него было чем-то другим, родным и близким, проявляющим по отношению к своему хозяину совсем другие чувства, такие как дружелюбие и преданность. Да и сам Рон уже не выглядел Роном: он точно также превратился в какого-то отстраненного незнакомца, от которого хотелось бежать со всех ног куда глаза глядят. По сравнению с ним даже наступающая ночь уже не представлялась такой уж зловещей.

* 2 *

Докурив, Рон щелчком пальцев отправил бычок в кратковременный полет на встречу с серой шершавой поверхностью бетона. Вздохнул, посмотрел на темное небо, залез в передний карман потертых джинсов, извлек какой-то плоский предмет и помахал прямо у меня перед носом (от неожиданности я даже не удержался и чихнул):

- Твое? Случайно нашел в машине.

Я скорее догадался, чем увидел, что у него в руке. Это был презерватив и точно не мой. Но если и не его тоже, то... Кейт? Но она не раз своим подружкам и мне в том числе с сериальным пафосом заявляла, что расстанется с невинностью только после совершеннолетия и обязательно с любимым человеком. И насколько мне было известно, ни одно из условий еще не осуществилось. Но зачем тогда она носит с собой в сумочке кондом?

Задумчивый и растерянный, я не знал, что сказать и мое молчание очевидно было принято за ответ.

- Или твоей подружки, этой пустоголовой куколки?

Когда он успел оказаться так близко?

Шокированный близостью Рона, но еще больше его словами, я ляпнул первое, что пришло в голову:

- Не смей так о ней говорить! - это во мне очевидно говорило привитое в детстве уважительное отношение ко всему женскому полу. - Но что еще можно ожидать от такого грубого и невоспитанного мужлана, как ты? - а вот здесь, наверное, заговорил маленький сноб, которому я всеми силами не давал одержать над собой верх, но который тем не менее всегда

жил во мне, подпитываемый и подкармливаемый родительскими деньгами, и той беззаботной тепличной жизнью, которую я вел до поступления в институт. И неважно, что я как мог старался избавиться от дурных привычек, даже пошел работать, чтобы найти новый круг общения, - я по-прежнему оставался слабохарактерным и зависимым существом, паразитирующем на всем готовеньком.

Наверное, я задел его за живое или это разыграло классовое неравенство, безошибочно определяемое на интуитивном уровне, но только Рон заставил меня пожалеть о своих словах, схватив за плечи и с силой встряхнув. Но вместо того, чтобы испугать - это разозлило еще больше. Зарывав, я вцепился в его майку, готовый сам не зная на что (еще ни разу в жизни я не участвовал в настоящей драке и уж тем более не был ее инициатором, поэтому имел весьма смутные представления о рукопашном бое), когда Рон вдруг навалился на меня всем телом, в буквальном смысле слова придавив к машине, и поцеловал. В губы. Я окаменел. А он мял мои губы, хватал их своими, и это больше походило не на поцелуи, а на злобные укусы, как будто он хочет съесть меня по кусочку и начать решил почему-то именно с губ. В это же время его руки нагло шарили по моему телу, сжимали бедра и хватали за задницу, а к промежности весьма недвусмысленно прижимался затвердевший член внушительных размеров. Но вместо того, чтобы испугаться и попытаться вырваться, я почувствовал, как тяжелеет внизу живота. Не могу дальше объяснить свое поведение, но, не выпуская из рук его майку, я с энтузиазмом ответил на поцелуй под треск ткани и принялся приглашающе тереться об него пахом, тихо поскуливая как... ну вы поняли. И Рон тоже.

- Сучка, - прошептал он мне на ухо, кусая мочку и расстегивая мои штаны.

И опять вместо того, чтобы возмутиться и назвать его растлителем несовершеннолетних, я возбудился еще сильнее. И не зная, куда деть ставшие вдруг свободными губы, лизнул его в шею, туда, где билась тонкая нить пульса, смакуя на языке солоноватый вкус кожи. От него пахло сигаретами.

Вздвогнув, он толкнул меня спиной вперед, сокращая незаметно увеличившееся между мной и машиной расстояние, для подстраховки припечатал телом и крепко сжал мой член через ткань трусов. И в этот момент что-то взорвалось в моей голове (на мгновение даже показалось, что я сейчас потеряю сознание), меня тряхнуло раз, другой... Обмякнув, я повис на своем мучителе, едва держась на ногах: такого бурного оргазма я давно не испытывал, а если быть совсем уж точным, то никогда в жизни.

Поддерживая меня и не давая в прямом смысле ударить лицом в грязь, Рон сжал мою руку и выдохнул низким хриловатым шепотом, запуская ее себе в штаны:

- Давай, поработай ручкой.

Наверное, я все еще находился под кайфом, потому что безмолвно подчинился, обхватывая твердую горячую плоть и начиная двигать ладонью вверх-вниз.

- Молодец, хорошая девочка...

От его прерывистого голоса мой член начал наливаться по новой. Еще никогда мне не было так стыдно и так хорошо одновременно.

В глазах постепенно прояснялось, уши горели то ли от смущения, то ли от жаркого дыхания полузнакомого парня, которому я с готовностью дробил посреди автостоянки, где нас в любой момент мог кто-нибудь увидеть. И тем не менее я наслаждался трением ладони о гладкий и толстый в диаметре член, размазывая по стволу то ли выступившую на нем смазку, то ли свой

собственный пот...

Сжав одной рукой мои отрощенные по последней моде волосы на затылке, а другой придвинув к себе вплотную за талию, парень прижался своей колючей щекой ко моей и застонал в ухо, кончая. Мне казалось, что я перестал дышать или, возможно, я был просто не в состоянии различить за чужим прерывистым дыханием свое собственное.

Мы стояли так некоторое время, пока Рон не отстранился. Я не смотрел на него, но слышал звук застегиваемой молнии. Не поднимая глаз, я бездумно вытер ладонь правой руки о джинсы, потом даже догадался вернуть на место штаны. На этом моя фантазия истощилась, и я больше не знал, что делать или говорить дальше... На чем прервался наш разговор?

Я плохо помню, что тогда происходило, но кажется, мы так и не сказали друг другу ни слова. А еще я хотел уйти по направлению к магазину, чтобы прогуляться и побыть в одиночестве, и не чувствовать сигаретного дыма, от которого со мной происходило нечто странное. Но Кейт опередила меня, появившись как раз вовремя, чтобы одним своим присутствием предотвратить мою истерику.

Чем бы не было вызвано мое помешательство, но я по-прежнему его хотел. И больше всего на свете желал, чтобы побыстрее наступило завтра, а за ним и час нашего расставания. Заняв свое место и наскоро перекусив едой с Макдональдса, я старательно представлял себе эту картину и мне казалось, что тогда я почувствую себя по-настоящему счастливым. Не когда защищу диплом, найду хорошую работу, встречу замечательную девушку, во всем соответствующую моим вкусам, куплю квартиру и стану жить отдельно от родителей... - а когда увижу удаляющуюся и постепенно исчезающую вдалеке машину. И облако белой пыли будет становится все прозрачнее и прозрачнее, пока она окончательно не осядет на придорожную траву и не покроет ее тонким слоем извести.

Слава богу, сестра ничего не заметила и даже не очень то и болтала, видимо, все-таки утомленная проделанной дорогой. А вскоре и вовсе пожелала нам доброй ночи и ушла спать в заднюю комнатку, которую занимали две расположенные у параллельных стен узкие кровати, холодильник, миниатюрный столик и прикрепленная к потолку лампа под круглым абажуром. И все это я успел разглядеть тогда, когда относил новые пакеты, которые приволокла с собой Кейт.

Я с облегчением перебрался на освободившееся место и, подключив провод к мобильному, всунул в уши белые "гвоздики". Музыка должна была избавить меня от необходимости что-то говорить и отвечать, ну и конечно отвлечь от невеселых мыслей, которые все не давали покоя. Хотя я совершенно зря переживал: судя по Рону - он уж точно не собирался вступать со мной ни в какие беседы. А я тем более как никогда в жизни был настроен на молчание.

Наверное, мне стоило уйти вслед за сестрой, но я точно знал, что не смогу заснуть, а пялиться в потолок в темноте душной комнаты намного труднее, чем делать вид, что кроме меня в салоне больше никого нет. Поэтому я остался. И продолжил всматриваться в свое бледное отражение на стекле, тонко наложенное тенями на ночь за окном. Через какое-то время мои веки отяжелели, и я закрыл глаза, мало-помалу убаюкиваемый мерным движением машины и восхитительно легкой музыкой одного японского композитора.

Интересно, если положить мою жизнь на музыку, то какой бы она вышла? И понравилась бы мне самому?

Господи, а если я стал ему уже не интересен? Что, если он использовал меня как одноразовую

вещь и больше даже не взглянет в мою сторону? Есть такие парни, которые похожи на здоровых и вредных собак: раз настигнув и обслюнявив новенький резиновый мячик, они тут же теряют к игрушке всякий интерес, и чаще всего она оказывается где-нибудь под диваном или того хуже - они ее просто напросто закапывают в землю. В данном случае это подобно глубокому забвению, во время которого происходит уничтожение каждого воспоминания, связанного с конкретным человеком. А нет воспоминаний, нет и мыслей о нем. И все-таки какой я невероятно жалкий, если сижу сейчас и переживаю за чувства неизвестного мне парня, с которым у нас ни то что полноценного секса не было, да вообще НИЧЕГО не было!..

Господи, он меня ненавидит. Сто пудого ненавидит. Я значу для него не больше, чем вот эти дурацкие наклейки с полуголыми девицами: один раз отдрочил, а потом уже скучно стало, как-то пресно. С живым геем ведь интереснее попробовать... О черт, он считает меня геем!..

В этот момент я почувствовал, как к горлу подкатил комок не успевшего перевариться ужина, который я попытался сглотнуть, но тяжесть в груди не проходила. И ощущение тошноты тоже.

Похоже, я слишком понадеялся на благоприятное завершение сегодняшнего дня. Или это мысли о резиновый мячиках сыграли со мной злую шутку. Как бы то не было, но мне пришлось стянуть наушники и, не глядя на Рона, попросить, чтобы он остановил машину. Видимо, мой бледный и сосредоточенный вид сказал ему больше любых слов, потому что он тут же снизил скорость. Через полминуты я уже стоял на четвереньках, сжимая в руках сухой лесной мох, и расставался с содержимым желудка. Сам он, как ни странно, остался на месте, хотя в какое-то мгновение мне стало казаться, что он выпрыгнет вслед за едой.

Горло саднило, словно я не переставая кашлял три дня напролет, а в целом мне было просто замечательно, учитывая тот факт, что только что я ужасно опозорился перед этим долбаным Роном. Наверное, он сейчас сидит в машине и нетерпеливо поглядывает на часы, недовольный неожиданной задержкой. Или раздраженно выкуривает очередную сигарету... Кстати, возвращаясь к разговору об "одноразовой вещи": по-моему, сигарета гораздо лучше иллюстрирует это словосочетание, нежели какой-то там резиновый мячик. Надо будет запомнить. Вернусь назад и обязательно продолжу думать на тему - "большой мальчик обидел маленького". Ай-ай-ай, как нехорошо. Надо надрать ему задницу.

- Говнюк... - выдохнул я и обмер, когда мне на плечо опустилась рука.

- Эй, с тобой все в порядке?

Бля...

Я настолько обомлел, что даже не попытался избавиться от груза на плече. Чувство стыда было несовместимо с жизнью. Все, я покойник, а покойники имеют право хранить молчание.

- Я принес тебе воды.

Боковым зрением я уловил движение справа, рядом с лицом. Скопив глаза, различил в темноте бутылку. Поколебавшись, взял. Пальцы до сих пор мелко подрагивали. Выдавил из себя хриплое "спасибо".

- Если тебе больше ничего не нужно, то я пойду, - в голосе слышится странная неуверенность, которая в одинаковой степени может означать как проявление заботы, так и наоборот - элементарное равнодушие и желание поскорее уйти, перед этим успокоив свою совесть: мол, я сделал все, что мог.

- Ммм... Ладно, - выдавливаю из себя и наконец-то вспоминаю, что все еще простаиваю на четвереньках.

Слышу, как удаляются чужие шаги, только все тот же мох сухо хрустит под ногами. Кустики, веточки, палочки... Возможно, множество крохотных городов с их крошечными обитателями в данную минуту погибают под рельефной резиновой подошвой. И они кричат своими тоненькими голосками: "На помощь! Помогите! Спасите нас!", - только мы их не слышим и продолжаем размашисто шагать по чьим-то обесцененным жизням...

Пора идти.

Неуклюже поднявшись, я побрел обратно, стараясь смотреть себе под ноги: еще с детства во мне жил страх, будучи в лесу, случайно наступить на ядовитую змею. Вот так вот, в городе боишься влипнуть в кашку, а на природе - наступить на змею.

Интересно, они хоть здесь водятся и насколько ядовиты?

Возможно, если бы я не был настолько занят, то непременно обратил бы внимание на темную фигуру впереди. Но вместо этого я просто в нее врезался и если бы не придерживавшие меня руки, то врезался бы основательно. А так всего лишь уткнулся носом в теплую грудь. Как ни странно, его одежда совсем не пахла дымом, который всюду сопровождает курящих людей. От него пахло солнцем, морем и немного потом. Я блаженно притих и неосознанно сделал глубокий вдох, одновременно пытаюсь надышаться Роном и запомнить его запах.

- Я подумал, что ты можешь заблудиться, - раздался спокойный голос над моей головой.

Я поднял голову, хотя и не мог видеть выражение его лица.

- А если бы и так, ты бы вспоминал обо мне?

Какая часть моего мозга отстала по дороге? Наверное та, что отвечает за эмоциональную интерпретацию окружающего мира и представляет такие "женские" качества личности, как повышенная восприимчивость и мазохизм.

Ладонь, до этого трепавшая мои волосы на затылке, сначала замерла, а потом и вовсе исчезла.

- Кейт содрала бы с меня семь шкур, - усмехнулся Рон.

Это не был ответ на вопрос. Скорее унижительная попытка его избежать. Унижительная для меня.

- А ты? Что ты думаешь обо мне? - не унимался я.

Кажется, мне окончательно снесло тормоза. Но я знал, что если не спрошу сейчас, то в ближайшем будущем мне вряд ли достанет смелости озвучить этот вопрос. Надежды не было. Было желание поставить точку. Возможно, тогда бы мне стало легче пережить свое отождествление с "одноразовой вещью".

- Пит... Питер...

Черт, не так.

- ... ты уже большой и достаточно взрослый мальчик, чтобы понимать, что короткие эпизоды -

они на то и эпизоды, что никогда не станут полноценным хорошим фильмом. Ты мне нравишься, ты симпатичный, но физиология... она не имеет с чувствами ничего общего - это только тело. Причем все произошло обоюдно, а значит у тебя не может быть ко мне никаких претензий. Кроме того, нам обоим понравилось, я даже не прочь повторить. Но это не то, над чем стоит думать, ты ведь понимаешь? Мама должна была говорить тебе об этом...

Я уже говорил, что я debil?

Сколько было этому парню? Рон говорил с такой уверенностью, с таким доброжелательным участием... И его слова были хуже яда. Я действительно почувствовал себя маленьким глупым мальчиком, невероятно жалким и никчемным, раздавленным, как будто на тоненьких хрупкий позвоночник моей самооценки наступили ногой. Одно нажатие - и косточки не выдержали, переломились пополам. И уже никак не склеишь, не сrostишь искусственным образом. Зверушка обречена.

Если в самом начале его речи мне было стыдно, мне было тошно, мне было никак, то в ее конце я почувствовал, как меня словно накрывает волна оглушающей злости. Я пришел в ярость и пока не прошел кураж, коротко размахнувшись (как я обычно делал папиной клюшкой для гольфа), врезал ему в челюсть.

Ауч! Отстаивать свою честь оказалось еще больнее, чем ее терять. Руку пронзило острой болью и прежде чем я успел испугаться, меня грубо схватили за шиворот и поволокли в сторону дороги. Отбиваясь, я зацепился за какую-то ветку. Не церемонясь, она царапнула меня по лицу.

- Ненавижу тебя, чертов засранец! - закричал я, сопротивляясь еще отчаяннее.

Злость почти полностью исчезла. И ее отсутствие было слишком заметно, чтобы на него можно было не обратить внимание. От этого стало еще больнее, еще страшнее отказаться от сопротивления и, опустив руки, смирившись, погрузиться в состояние полнейшего оцепенения.

- Придурок! Урод! Отпусти меня! Ненавижу-у-у! Что б тебя...

Из-за стволов деревьев показалась дорога, а на ней темной громадой высилась механическая туша, такая же бессердечная как и ее хозяин.

Резко остановившись, Рон схватил меня за плечи и как следует встряхнул:

- Значит так, - его шипящий голос походил на молоко, удравшее на плиту. - Я не намерен возиться с маменькиными сынками и терпеть подобное к себе отношение. И делать Кейт свидетельницей этого маленького спектакля тоже. Поэтому либо ты сию секунду закроешь свою зубастую пасть и спокойно дойдешь со мной до машины, либо я оставлю тебя в лесу, а утром скажу Кейт, что потерял по дороге. Уверен, она найдет способ быстро утешиться, - я не мог видеть, но абсолютно точно был уверен, что на его лице проступила все еще злая, но самодовольная улыбка.

Ублюдок.

- Я понял, - мне с трудом удалось выдавить из себя эти два слов, тем не менее они прозвучали на удивление ровно.

- Я в тебе и не сомневался. А теперь сам шевели своей смазливой задницей - я не намерен больше тащить тебя на себе.

Гордо развернувшись, я направился к приглушенно светившемуся салону. Дверца с моей стороны оставалась открытой, и я забрался внутрь. Даже не глянув на Рона, проскользнул в заднюю комнатку. Не раздеваясь, на ощупь залез на свободную кровать и укрылся пододеяльником. "Только не реви", - приказал себя молча, шмыгнув носом, накрыл голову подушкой и не заметил, как уснул.

На следующее утро мы вдвоем с Кейт сидели в какой-то придорожной забегаловке и жевали свой завтрак, состоящий из омлета, картошки фри, салата и булочек с сосиской. Рон отказался составить нам компанию, заявив, что ему нужен час для сна и раньше этого времени мы можем не возвращаться. Почти сутки в пути его вымотали и он превратился из молчаливого незнакомца в раздражительного и хамоватого парня. Вполне возможно, что в его плохом настроении есть доля и моего участия. Тем не менее я не чувствовал себя сколько-нибудь виноватым. В конце-концов это он заварил всю эту кашу, вот пускай сам ее и расхлебывает, и я не собираюсь никоим образом ускорять этот процесс. Да этот идиот может даже бросить нас здесь и в любой момент смотаться к чертовой бабушке (лично я несколько не огорчусь). Мы с Кейт всю жизнь справлялись сами, вот и на этот раз не пропадем, тем более что до ранчо не дольше пяти часов езды на автобусе... Интересно, а они тут есть?

- Пит, тебе не кажется, что Рон ведет себя несколько... - Кейт замаялась, пытаясь подобрать подходящее слово, - странно?

- Это потому что он придурок, - ответил я, откладывая вилку на край тарелки. Аппетит ко мне так и не пришел: ни до, ни во время еды.

- Ты тоже заметил? - сестра смешно округлила глаза, при этом понизив голос, но было совершенно очевидно, что мы говорили о разных вещах. - Но что могло случиться за одну ночь? Вчера ведь все было просто отлично, разве нет? - похоже, она действительно была расстроена.

- Кейт, - обратился я к ней, стараясь, чтобы мой голос звучал обыденно, - а что ты сказала ему вчера? Как объяснила, что ты не одна? Кем ты меня представила? - на всякий случай задал я третий вопрос, по смыслу не отличающийся от первых двух, но мне нужно было быть уверенным, что сестра правильно меня поняла. Кроме того я почему-то нервничал, а когда я волновался, мне становилось труднее выразить свои мысли.

- Да что я еще могла сказать? Что ты мой друг, конечно. Думаешь он бы поверил, что мы родственники? Мы ведь совсем не похожи. К тому же я решила, что это поможет ему в меня не влюбиться. Кстати, тебе-то эта маленькая ложь еще больше на руку, чем мне, - высокомерно усмехнулась Кейт улыбкой признанной красавицы, но вдруг ее лицо изменилось. Она заметно побледнела и едва слышно пролепетала. - О нет, неужели эта царапина на твоём лице... - сестра в ужасе прикрыла рот. - Вы подрались? Из-за меня?!

Хорошо, что я не стал есть дальше, а то обязательно бы подавился. Хотя... если и так, то кто знает - возможно, я бы даже умер. И тогда мне бы не пришлось отвечать на абсурдные вопросы сестры.

- Нет, Кейт, что ты, - прозвучало довольно убедительно. - Я же тебе уже говорил, что по пути меня укачало... Я пошел в лес, а когда возвращался обратно - случайно поцарапался, потому что ни хрена не было видно.

Если честно, то утром я пережил несколько довольно неприятных секунд, когда, открыв глаза, увидел на подушке пятнышки крови. Мне понабилось какое-то время, чтобы вспомнить ночное происшествие и осознать, в чем причина их появления. А после спокойно пережить

пробуждение Кейт и ее взволнованный щебет, когда она увидела мое лицо.

- Прости, что не сказала тебе раньше о том, что мы... типа пара, - хихикнула сестра, вновь приходя в хорошее расположение духа.

- Да ладно, - вяло отмахнулся я, разом сдувшись и потеряв интерес ко всему, даже к тому, что имело ко мне непосредственное отношение как, например, результаты последних экзаменов, которые до сих пор не пришли мне на почту. А ведь с конца сессии прошло три недели, а нормой считалось две. Да и о практике на втором курсе стоит задуматься уже сейчас... И о чем я только думаю? Мне плохо. Мне на самом деле паршиво. - Только в следующий раз все же предупреждай меня заранее, - обратился я к сестре, отламывая кусочек хлеба и отправляя себе в рот.

- А знаешь, - вдруг подала голос Кейт, до этого сосредоточенно пережевывающая листик салата, - мне почему-то показалось, что вы с Роном можете стать друзьями. - О нет, вот только не надо пытаться найти мне друзей. Я разве кричу о своем одиночестве? Или это итак слишком заметно? - Несмотря на то, что вы оба такие разные - тем не менее у вас много общего, - вдохновенно продолжала она, намеренно не замечая отсутствие моего энтузиазма. - Вы оба мало разговорчивые, серьезные и... как бы это правильнее сказать... Вы оба работаете не на публику, а только на близких людей. Понимаешь, что я имею в виду? А когда вчера ты задремал на плече Рона, он не стал тебя тормозить и аккуратно держал руль так, чтобы твоя голова не соскользнула, хотя ему явно было не очень удобно... Эй, ты чего на меня так уставился? Я ничего не придумываю.

Кейт моментально надувалась, стоило заподозрить ее во лжи. На самом деле у нее была совершенно милая особенность иногда преувеличивать факты и приукрашивать события.

- Да нет же, Кейт, я тебе верю. Успокойся, - пробормотал я, растерянно глядя в окно, рядом с которым мы сидели.

Неужели я действительно ему нравлюсь? Хотя бы немножко? Это мой счастливый шанс или еще одна возможность получить одиночный билет в известном направлении, обозначаемом тремя короткими, но весомыми словами?

С удивлением чувствуя, что начинаю краснеть, я поспешил сменить локацию.

- Китти, - так я обращался к сестре только тогда, когда мне было от нее что-нибудь нужно (так, в основном по мелочам, например, подойти к артисту после концерта и взять для меня автограф - что-то в этом роде), - я пойду немного пройду. Закончишь здесь без меня, окей? - я уже вставал из-за стола.

- Ладно, нет проблем, - пожала она плечами. - Разберусь с основным блюдом и закажу себе что-нибудь охрененно-вкусное на десерт. Только, Пит, оставь мне деньги, а то моя наличка вчера закончилась. Не думаю, что они здесь принимают карточки.

Я улыбнулся и отдал ей весь бумажник.

* 3 *

На улице во всю светило солнце, и высокие старые деревья, росшие рядом с кафе, отбрасывали на серую и выгоревшую, словно зола, землю большие темные тени. И сильные

порывы северного ветра заставляли их танцевать подобно языческим духам из старинных, наполненных запахом костра, легенд.

Поглядев по сторонам, я пересек дорогу и подошел к машине, решив перед тем, как идти разминаться, захватить с собой джинсовку. Она лежала в сумке на кровати и поэтому, стараясь не разбудить Рона, который дремал прямо за рулем, откинув голову назад, я как мышь пробрался за занавеску. Но осуществить задуманное оказалось сложнее, чем я предполагал. Мне пришлось перевернуть все содержимое сумки, а кое что из вещей вытрясти прямо на пол и кровать, прежде чем "пропажа" нашлась. Довольный и немного измотанный поисками, я не стал складывать все обратно: я итак потратил слишком много времени. Кейт не станет сидеть в кафе вечно, а мне во что бы то ни стало требовалось пройтись, чтобы немного освежить голову. Кроме того, проснувшись, Рон вряд ли станет меня ждать, поэтому наведу здесь порядок позже, когда вернусь.

Повернувшись, я вздрогнул от неожиданности: прямо напротив меня, загораживая выход, стоял Рон.

- Привет, - сказал я больше для того, чтобы убедиться в реальности происходящего. И вспомнил, что мы с ним сегодня еще ни разу не разговаривали.

На его лице не дрогнул ни единый мускул: оно по-прежнему оставалось непроницаемым.

- Что ты здесь устроил? - вместо приветствия поинтересовался он, обводя взглядом место "катастрофы", и я в который раз с сожалением убедился в том, что на его лице не осталось ни следа от моего вчерашнего "рукоприкладства". В итоге я по всем статьям получался единственным пострадавшим, как в моральном, так и в физическом смысле. И это совсем не воодушевляло на новые подвиги.

- Я кое что искал. Потом уберу, - я сделал пару шагов вперед, таким образом намекая, что хотел бы выйти.

Рон не сдвинулся с места.

Я начинал нервничать.

Хорошо, если до него так не доходит...

- Мы договорились с Кейт, что пока она расправляется с десертом, я немного прогуляюсь. Совсем чуть-чуть. Меня не будет минут десять-пятнадцать.

Господи, и почему я тут сейчас стою и перед ним оправдываюсь?

Рон шевельнулся, и я едва не вскрикнул от испуга. Приблизившись, он провел кончиками пальцев по моей скуле, внимательно рассматривая подбородок и губы.

- Больно?

- Н-нет, - замороженный его потемневшим взглядом, я как-то не догадался избавиться от поглаживающей щеку руки.

- Щекотно? - пальцы сменили губы.

- Немного, - и когда это мой голос успел охрипнуть?

По движению его губ я догадался, что Рон улыбается. Ну конечно, он же уже обо всем знает. Например о том, что я далеко не равнодушен к его ласкам. И о том, что мне не все равно, рядом он или нет.

Несильно сжав мои волосы на затылке, он отвел руку немного назад, вынуждая меня запрокинуть голову и посмотреть ему в глаза. Ярко-синие. Мне почти нестерпимо захотелось зажмуриться, как будто они светились изнутри преломленным солнечным светом, хотя на самом деле в комнате царил приятный густой полумрак.

- Я...

Не дослушав, Рон заткнул мне рот поцелуем. И я сдался. Снова. Без остатка отдался ощущениям.

Наверное, я сумасшедший. Нет, я совершенно точно невменяемый. Как и это парень. Только у меня почему-то такое ощущение, что он в отличие от меня хорошо понимает, что делает.

Ладони Рона медленно прошлись по моей спине снизу-вверх, потом, словно вдруг разом осмелев, забрались под майку, одним решительным движением сдернули ее через голову и стали водить по обнаженной спине, ощупывая лопатки, пересчитывая позвонки, оглаживая бока... Опустившись, смяли ягодицы, отрывая от пола и заставляя привстать на цыпочки. В попытке сохранить равновесие я потянулся и обвил руками крепкую шею. А в это время чужой язык самозабвенно трахал мой рот, не давая ни как следует вдохнуть, ни выдохнуть. Сердце колотилось где-то в горле, но я давно перестал различать какие-либо звуки, только чувствовал, как оно глухо ударяется с той стороны, ища выход и грозя разбиться.

Глупое, оно не имело шансов выжить в этом жестоком мире, где любовь с легкостью заменяли игра в чувства и деньги.

Разорвав поцелуй, Рон избавился от своей майки и продолжил целовать мою шею, грудь, расстегивая молнию на штанах и стягивая их вниз вместе с нижним бельем. Опустившись на колени, провел языком по моему животу, очерчивая горизонтальную линию, которая делила мое тело пополам: на более светлую и темную половины. Дело в том, что я любил разгуливать по дому родителей босиком в тонких широких штанах и за две недели каникул успел немного загореть, большую часть времени валяясь на травке во внутреннем дворике, либо любуясь на зеркальную поверхность бассейна, испещренную ослепительно-белыми бликами. Кейт не уставала подшучивать надо мной по этому поводу, а я не видел в этом никакой проблемы, так как все равно почти безвылазно сидел в четырех стенах, и собирался как-нибудь потом выровнять загар...

Черт!

Запустив пальцы в густые волосы, я оторвал Рона от своего пупка, который он самозабвенно вылизывал, и, глядя ему в глаза, срывающимся голосом прошептал:

- Кейт... Она может вернуться в любой момент.

Правый уголок его губ искривился и пополз вверх, превращая обычную усмешку в ухмылку.

- Ей придется подождать или же немного прогуляться. Она не сможет попасть внутрь, потому что я закрыл машину, - темная бровь вопросительно изогнулась. - Ты против?

Я улыбнулся.

- Кейт будет полезно проветриться.

Еще бы. Зная сестру, я был уверен, что она не ограничится одним десертом.

Поднявшись, Рон подвел меня к кровати, толкнул на узкую койку, а сам остался стоять в ее ногах.

- Эй, здесь же моя одежда! Она помнется, - засмеялся я, наблюдая, как он снимает джинсы, неторопливо оголяя бронзовую кожу, которая создавала со светло-голубой тканью изумительное сочетание.

Мой рот наполнился слюной. Мне не терпелось попробовать его кожу на вкус и ощутить тяжесть сильного тела.

Вытянув руки над головой, я ждал, пока Рон подползет ко мне на четвереньках. Зависнув над мной на вытянутых руках, он наклонился к моему уху:

- Ты такой красивый. Знаешь об этом?

Усмехнувшись, я положил ладонь ему на грудь, туда, где билось сердце.

- Держу пари, ты так всем своим пассиям говоришь.

- Держу пари, кто-то нарочно нарывается на порку, - прикусив кожу на моей ключице, он выпустил ее и лизнул, оставляя на коже отпечаток зубов.

- О, ты собираешься меня выпороть? - не удержавшись, я приподнял бедра и потерся об него животом.

Кротко улыбнувшись, Рон опустил ладонь на мой член.

- Нет, всего лишь оттрахать.

Резко выдохнув, я выгнулся, комкая в руках уголки подушки.

- Звучит как обещание.

- Скорее как заверение в вечной любви, - его пальцы сжались.

- Ммм... придурок.

- Ты когда-нибудь закроешь свой милый ротик и перестанешь трепаться?

- Займи его чем-нибудь.

- Хорошая идея, но пока рановато. Может мне его просто заклеить? - Рон провел пальцами по всей длине, задержался на вершине и потер большим пальцем головку, растирая выступившую капельку смазки.

- А-а-х, делай, что хочешь, только побыстрее, а то я сейчас взорвусь, - выпустив подушку, я обнял его, привлекая ближе, и едва заметно вздрогнул, когда он дотронулся до отверстия между ног. Всхлипнув, прижался к нему сильнее. - Рон...

Прерывисто вздохнув, он развел мои бедра шире и, прижавшись ко входу твердым как камень

членом, осторожно толкнулся внутрь. Потом еще и еще раз, миллиметр за миллиметром проникая все глубже и глубже, пока не вошел полностью. Замерев и тяжело дыша, убрал с моей щеки влажную прядь, чмокнул в нос и, взяв мою ладонь в свою, принялся поочередно целовать подушечку каждого пальца и так до тех пор, пока я не разлепил веки.

- Ты в порядке? - тихо спросил, разглядывая меня с немного встревоженным выражением.

Вместо ответа я поцеловал его в плотно сжатый уголок губ и потерял носом о шею.

Положив одну руку мне на затылок, а другой крепко сжав талию, он начал двигаться, постепенно наращивая темп. Совсем скоро мы уже жадно делили воздух, стремительно и неотвратно приближаясь к кульминации, словно на всей скорости мчались по открытому всем ветрам шоссе навстречу свободе и солнцу. Когда-то разделенные на две одинаковые половинки, мы вот-вот должны были растаять, чтобы под его лучами раствориться друг в друге и превратиться в единое целое, самодостаточное и счастливое.

При каждом толчке моя пятка задевала что-то холодное. Как сквозь туман я ощущал, как оно царапает кожу: вперед-назад, вперед-назад... Мысли в голове путались, и во всем мире остались только два ощущения: пульсирующая плоть, то почти полностью исчезающая, то одним жестким движением оказывающаяся внутри и вдавливающаяся в кровать под яростным напором сильных бедер; и металлическая прохлада, тонкой змейкой струящаяся по коже... А через несколько мгновений ничего не осталось. Вскрикнув, я обнял Рона ногами за талию, из последних сил сжимая снаружи и внутри, и чувствуя, как там разливается горячее семя, а от пота руки соскальзывают с широкой спины и нет никакой возможности их удержать.

Наверное, прошла не одна минута, прежде чем мы смогли отдышаться и хотя бы наполовину прийти в себя. А мне до последнего не хотелось его отпускать. Не знал, что бываю такой сентиментальный после занятия сексом. Но одно я понимал точно: бессмысленно пытаться уберечь хрупкое стекло, потому что оно обязательно упадет и разобьется, и вместе с этим в душе на какое-то время поселится ощущение опустошенности. Но в конце-концов это ведь стекло, а все стеклянные предметы заранее обречены.

Подняв руку, я спрятал лицо в сгибе локтя. Рон лежал рядом на боку. Я чувствовал его дыхание и знал, что он смотрит на меня.

- Эй, - позвал он, убирая мою руку, и я посмотрел ему в глаза, приготовившись разбить наши, не имеющие никакого будущего, отношения. - Нам нужно поторопиться, а то Кейт придет в ярость, - его губы улыбались, и я не мог не заметить, как смягчилась их линия, придавая глазам таинственную глубину.

Я громко рассмеялся:

- Это тебе стоит поторопиться. Мне-то это ни к чему, ведь Кейт уже видела меня голым и ни один раз.

Он больше не улыбался. Я тоже. Еще одно невероятное усилие, и я снова смотрю ему в глаза. Они пустые. Он уже знает, что я хочу сказать.

- Понятно, - отрывисто бросает, перебирается через меня и, встав с кровати, начинает собирать свою одежду.

На то, чтобы одеться, у него уходит не больше двадцати секунд. Слишком быстро, а ведь я еще не закончил:

- Ты сам говорил, что физиология не имеет ничего общего с чувствами. Но и то, и другое можно купить, если знать цену, - застыв, Рон смотрит на меня, но не произносит ни слова. По выражению его глаз я читаю, что сейчас больше всего на свете ему хочется стереть меня в порошок, но непринужденно продолжаю рассуждать на ненавистную нам обоим тему. - Родители Кейт очень богаты. Рядом с ней меня ждет блестящее будущее - прекрасный двухчасовой фильм, который я не собираюсь разменивать на пятиминутную короткометражку. Теперь скажи мне, почему я не прав? - я все-таки не сдержался и выкрикнул свой вопрос, вложив в него сразу и злость, и отчаянье... и пустоту.

Но в комнате кроме меня уже никого не было.

Обняв подушку, я натянул на голову пододеяльник и пролежал так почти до самого конца нашего путешествия, которое заняло около двух с половиной часов, отговорившись от Кейт тем, что у меня разболелась голова. Банально, но она поверила. Даже не стала ругать за разбросанную по полу одежду. Все время, пока мы с Роном находились в машине, она провела в кафе сначала наслаждаясь десертом, а потом решив позвонить своему капитану бейсбольной команды. Вернулась без меры довольная, что-то напевая под нос, и даже не поняла, что я не ходил ни на какую прогулку. Поэтому с легкостью решила, что причина моей мигрени в слишком сильно припекающем солнце, под которым я провел без малого полчаса. На самом же деле причина моей мнимой головной боли была в другом, а именно в человеке, который отныне никогда больше даже и не взглянет в мою сторону. И, зная это, мне становилось почти физически плохо, поэтому притворяться не было никакой нужды.

При прощании я упрямо отводил глаза, стараясь смотреть куда угодно, только не на Рона. Его же отношение ко мне выражалось в исключительной холодности и вежливом, на грани абсурда, равнодушии. К сожалению, я не мог закрыть уши, чтобы не слышать, как Кейт, то и дело бросая на меня исподтишка возмущенные взгляды, рассыпается перед ним в благодарностях и почти силой берет обещание, что он когда-нибудь обязательно приедет "к нам в гости". Но мы-то с ним вдвоем прекрасно понимаем, что этого никогда не произойдет. Наши дороги расходятся здесь и сейчас, разбегаются в разные стороны подобно талой воде, по весне бегущей по трубам с крыш и стекающей в водостоки. Случайное знакомство, так ведь это называется?

- Еще раз огромное спасибо за то, что согласился нам помочь, - по-сотому разу начинает сестра, и у меня складывается такое ощущение, что она просто не хочет его отпустить. Очевидно присутствие Рона способно скрасить ей даже такое неблагоприятное занятие, как ожидание автобуса, в отличие от меня, конечно. Но я ни на что и не претендую, поэтому в свою очередь молча разглядываю горизонт, надеясь, что в этой глуши транспорт ходит точно по расписанию.

- Не стоит, это не доставило мне никаких проблем, - невозмутимо отвечает Рон, и я бросаю в его сторону косой взгляд, отчего-то решив, что за его словами скрывается двойной смысл. Нет, его лицо по-прежнему ничего не выражает, и я разочаровано отвожу глаза на все тот же унылый пейзаж.

- Если бы наши маршруты не совпадали, то ты вряд ли бы подбросил нас до этого места, - брякаю я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал так же спокойно, как у диктора новостного канала, вещающего о надвигающейся буре. Не знаю, откуда, но вдруг мне в голову пришла мысль, что если я и дальше буду делать вид, что мне все равно, то мой мнимый пофигизм может быть справедливо интерпретирован Роном как очевидное проявление слабости. И для кого я так стараюсь, спрашивается? - В любом случае мы перед тобой в большом долгу, - еще немного и я возненавижу себя за идиотский сарказм, но я не мог

отказать себе в попытке вывести его из состояния внешней заторможенности, как будто ему на самом деле безразлично, что сейчас мы расстаемся навсегда. Мне хотелось доказать всем и себе в первую очередь, что его благородный поступок ничего не стоит, и если бы не удачное стечение обстоятельств, он никогда не стал бы нам помогать. В жизни так не бывает, чтобы кто-то заботился о другом просто так за "спасибо": личные интересы всегда значат больше, чем благополучие другого человека, особенно если вы едва знакомы.

- Пит! - в голосе Кейт отчетливо слышится предостережение: все, хватит, пора остановиться.

Конечно, я имею полное право вести себя как хочу, ибо уже давно немаленький, даже если мое поведение со стороны выглядит неуместно и больше всего напоминает именно капризы избалованного ребенка. Я не обязан любить человека, который не понравился мне с первой минуты нашей встречи. И при других обстоятельствах сестра не сказала бы мне ни слова, но в данной конкретной ситуации она однозначно против того, чтобы я выражал свою антипатию в устной форме, особенно когда это не имеет ничего общего со справедливостью. Но Кейт последняя, кто способен меня сейчас вразумить, если уж ранее я нашел в себе смелость распрощаться со здравым смыслом в пользу своих желаний.

Рон смотрит мне прямо в глаза - в первый раз с тех пор, как состоялся наш последний разговор. И я упрямо выдерживаю его непонятный взгляд, который с каждой секундой неумовимо тяжелеет, словно в данный момент за красивым и холодным фасадом бушует непогода, и только черные тени дождевых облаков отражаются в глазах.

- Нет, мальчик прав, - наконец роняет он, и я понимаю, что проиграл. И злюсь еще больше, наверное, из-за появившегося жгучего чувства стыда, которого раньше не было.

- Тогда, может быть, ты наконец озвучишь вслух, сколько стоит твоя помощь? - усмехаюсь я и тянусь к заднему карману джинс, по пути вспоминая, что так и не забрал у Кейт свой бумажник.

- Пит! - возмущенно шипит сестра, и по еще больше помрачневшему лицу Рона я ясно вижу, что на это раз перегнул палку. Кейт же явно ошеломлена: еще ни разу в жизни я не "бросался" на людей и уж тем более не поступал ей наперекор.

Так и не ответив, Рон поворачивается к нам спиной. Нервно взлохматив волосы руками и таким образом приведя в еще больший беспорядок и без того растрепанную ветром шевелюру, он решительно шагает по направлению к машине. Я не успеваю прийти в себя, как громко хлопает дверца, и спустя мгновение раздается утробное урчание двигателя, а я то открываю, то закрываю рот, как выброшенная на берег русалка... тьфу ты, рыба.

- Рон! - орет Кейт и бросается за ним следом, смешно размахивая руками. Я вижу, как она огибает капот и начинает что-то быстро объяснять, отчаянно жестикулируя, и только когда Рон поднимается с водительского сиденья и исчезает в задней комнате, откуда появляется уже с пакетами, - я догадываюсь, что только что сестра вспомнила о своих покупках, сделанных вчера в универмаге. Впрочем, ничего нельзя сказать.

Я с напряженным вниманием наблюдаю за тем, как он помогает ей спустить их на асфальт, но не делаю попытки приблизиться: мне почему-то страшно увидеть в синих глазах теперь уже неприкрытую неприязнь. Я с трудом сглатываю и все еще не двигаюсь с места, даже когда грузовик отъезжает, и на площадке остаемся только мы с Кейт. И ее пакеты. Только тогда я механически пересекаю разделяющее нас расстояние и помогаю ей донести вещи до пятка остановки, где сиротливо примостилась одна единственная скамейка без спинки, с давно уже

высохшей и облупившейся на солнце светло-серой краской.

Господи, какой же я все-таки трус.

А потом мы сидим с Кейт и ждем автобус, который должен отвести нас до знакомой развилки на ранчо. Если бы не ее желание сделать бабушке с дедушкой сюрприз, то за нами непременно прислали бы машину. До годовщины их свадьбы еще целых две недели, но сестра почему-то решила, что будет здорово приехать пораньше, покататься на лошадях, помочь в приготовлениях к торжеству... Но сейчас мне это не кажется такой уж хорошей идеей. Если бы не она, то мы бы не встретились с Роном, я не пошел бы на поводу у собственной гордости и сейчас не чувствовал бы себя так, как будто у меня из груди живьем вырвали сердце и на его месте огромная дыра, в которой может спокойно поместиться целая Вселенная.

- Пит, да что в конце-концов происходит? - не выдерживает Кейт, отвешивая мне довольно болезненный подзатыльник.

Я во все глаза пялюсь на ее серьезное лицо и не могу узнать, словно вижу его впервые.

- И только попробуй сказать, что мне показалось, - предупреждает она и, не выдержав, я все ей рассказываю, конечно, опуская пикантные подробности.

Сестра сосредоточенно слушает, а когда я замолкаю, тяжело вздыхает и выносит свой вердикт:

- Ты идиот, хотя он тоже хорошо. Сказать такое, - фыркнув, она встает, забирая часть пакетов. Проследив за направлением ее взгляда, я оглядываюсь и только сейчас замечаю, что к нам подъезжает небольшой темно-синий автобус, который лучше всего подходит под определение "доисторический".

Поднявшись, я закидываю сумку на плечо и подхватываю с земли оставшиеся вещи. Лучше бы она о них забыла, потому что я совсем не представляю, как смогу дотащить пакеты до ранчо, до которого нам еще предстоит пилить после автобуса где-то около получаса.

Больше ничего не говоря, Кейт передергивает плечами и идет к раздвинувшимся дверям, поднимается по ступенькам в салон и расплачивается с водителем, затем оборачивается и видит меня. И тогда на ее лице отражается крайняя степень изумления. Наглядно продемонстрировав мне один единственный билет, она злорадно хохочет:

- Дурачок, ты остаешься! Жду вас на ранчо ровно через две недели.

- Но он... - я хочу сказать "уехал", но слова застревают в горле на полпути.

- А он вернется, - лукаво улыбается сестра и, помахав в воздухе какой-то карточкой, кидает ее мне, но я не успеваю поймать пас, и она падает мне прямо под ноги.

Бросив пакеты на землю, я наклоняюсь и подбираю тонкий прямоугольник, совершенно не обращая внимание на то, что, покрытые толстым слоем дорожной пыли, створки с механическим шумом закрываются, и с характерным протяжным звуком автобус трогается с места. С глянцевої поверхности на меня смотрит цветная фотография слишком знакомого парня и, не удержавшись, я начинаю истерично хохотать. Люди в автобусе абсолютно точно сочли меня невменяемым и порадовались тому, что я так и не сел в один с ними транспорт.

Успокоившись только тогда, когда от боли стало сводить живот, я уселся прямо сверху на гору

пакетов и достал мобильный, задумчиво глядя на номер, нацарапанный на помятой бумажке, наскоро всунутой между карточкой и ее прозрачной обложкой. И только тогда заметил маленькую дутую упаковку незнакомой еды, вывалившуюся с одного из пакетов. На желтом фоне был изображен жизнерадостный бурундук, с непередаваемым обожанием на упитанной морде перекусывающий пополам медовую палочку. Остальные пакеты оказались заполнены тем же. Слава богу, а то я не представляю, что стал бы делать с одеждой или косметикой сестры.

Усмехнувшись, я отложил мобильный, надорвал пакетик и, вытащив палочку, засунул себе в рот, чувствуя, как она буквально тает на языке. Как у Кейт получилось достать номер телефона Рона - это секрет. Наверное, она сделала это, когда возвращалась к машине за забытыми покупками. Хотя мне все равно было трудно поверить в такую удачу, слишком уж мы его разозлили... Ну хорошо, я разозлил. Но Кейт ведь моя сестра, причем единокровная.

Автобус давно уже скрылся за поворотом, а я сидел и бездумно пялился на пустую дорогу, нерешительно поглаживая большим пальцем кнопку вызова. Неизвестно, как далеко он успел отъехать и как долго мне придется ждать, но в одном я был уверен точно: за мной обязательно вернуться... ну или не совсем за мной. Теперь, когда Рон решит, что это я похитил его водительское удостоверение, меня, возможно, ждут большие неприятности. Вряд ли получится так сразу объяснить, что оно оказалось у меня совершенно случайно, а все благодаря моей не в меру активной сестренке, которая, как оказалось, во что бы то ни стало решила свести меня с самым невозможным парнем на свете. Остается только гадать, когда она успела обо всем догадаться, хотя, вполне возможно, что это мое странное поведение поведало ей всю историю гораздо раньше меня самого.

Как ни удивительно это признавать, но Кейт оказалась права: мы с Роном слишком похожи несмотря на то, что внешне кажемся абсолютно разными. Оба одинаково упрямые и категоричные - ни один из нас не захотел уступать другому, даже когда речь зашла не об обычном споре, а о чем-то гораздо важном, что просто так не вычеркнешь из памяти. А ведь второго шанса может и не быть, слишком равнодушна жизнь: движется вперед как скоростной поезд - согласно чьему-то расписанию, и возможности вернуться назад или хотя бы снова оказаться на той же платформе в то же самое время практически нет.

Придется признать, что я нас переоценивал, считая, что мы оба, но каждый своим путем, нашли единственно верное решение, которое должно было поставить точку в наших отношениях без отношений. Но я ошибался точно также, как Рон и, надеюсь, он это поймет. И вернется не просто за украденной вещью, а за мной. На этот раз я не буду врать и обязательно скажу ему все, что думаю на самом деле. И к черту гордость. Как любил повторять мой стилист: как можно меньше думай и тогда жить станет проще. И почему я не прислушался к этому по истине мудрому совету раньше?

Нажав на вызов, я напряженно замер, позабыв, как дышать, а когда протяжные гудки сменились коротким резким "Да?", мне даже на мгновение почудилось, что от страха и волнения начала кружиться голова.

- Это я, - мой голос больше походил на шелест листвы, загребаемой крючковатыми спицами грабель. - У меня твои права, - быстро продолжил я, боясь, что мне не дадут договорить до конца, как тогда, в комнатке грузовика перед окнами кафе или полчаса обратно, ведь то, что я собираюсь сказать сейчас по-настоящему важно. От этого зависит наше будущее. - Ты вернешься за мно... за ними? - ну вот, сейчас он подумает, что я упрашиваю, настолько плаксивыми мне послышались последние слова, поэтому я как мог холодно добавил, - Я не уговариваю.

- Придурок, как я могу не приехать за собственными правами? - тяжело вздохнул Рон, и я не услышал в его голосе ни намека за злость или неудовольствие. - Минут через сорок буду, только, пожалуйста, постарайся не потерять их за это время, а то получится, что я напрасно возвращался.

- Засранец! - крикнул я и бросил трубку.

Какая-то птица испугано вспорхнула с ближайшего над дорогой указателя и с криком улетела в сторону росших вдалеке деревьев.

Запрокинув голову, я облегченно рассмеялся... и, не удержавшись, все-таки навернулся вниз, прямо на гору свороченных моим падением пакетов. Чувствуя, как быстро колотится сердце, я раскинул руки в стороны и с глупой улыбкой уставился в безоблачное небо, мысленно рисуя картинку одна краше другой на тему "как я провел это лето".

* The End *